

СТРАТЕГИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

© 2017 А. В. Сагимбаев

*канд. ист. наук,
доцент кафедры всеобщей истории,
международных отношений и международного права
e-mail: sagimbaev@yandex.ru*

Брянский государственный университет

Одной из важных исторических тенденций межвоенного периода явился сложный процесс трансформации Британской империи, представлявшей крупнейшую в истории колониальную систему. Изменение форм и механизмов британского колониализма явилось результатом воздействия целого ряда факторов внутреннего и внешнего характера. Значимую роль среди них играли проблемы и противоречия финансово-экономического развития, с которыми метрополия столкнулась вследствие Первой мировой войны. Они выступали важными ограничителями планов дальнейшей экспансии, побуждая британскую политическую элиту к поиску более экономичных способов реализации колониальной стратегии и осуществления колониального администрирования.

Ключевые слова: Британская империя, финансово-экономическая политика, колониальный механизм, комитет А. Гиддеса, схема «воздушного контроля».

Исследование исторического феномена имперских образований остаётся одним из наиболее актуальных направлений научного исследования. Закономерности эволюции британской имперской системы, являвшейся крупнейшим и одним из наиболее сложных в мировой истории государственных образований, представляются важным объектом изучения, требующим всестороннего анализа с учётом всего многообразия обуславливавших её факторов.

Первая мировая война, ставшая, по мнению многих современников, тяжелейшим испытанием для британского государства за длительный исторический период, обусловила ряд принципиально новых тенденций в экономическом и политическом развитии Великобритании, напрямую повлиявших на дальнейшую эволюцию её имперской организации и колониальной стратегии.

Одним из итогов войны явилось видимое укрепление позиций Британской империи и расширение её пределов. Британские владения увеличились примерно на один миллион квадратных миль, а количество подданных империи – на 13 млн человек. Великобритания продолжала оставаться ключевым элементом в рамках новой, версальско-вашингтонской системы международных отношений [Kennedy 2014: 43]. В то же время Первая мировая война оказала сложное и во многом негативное воздействие на развитие Великобритании и британского общества. К 1918 г. потери вооружённых сил метрополии и её доминионов на фронтах военных действий достигли примерно 900 тыс. человек, что составляло почти 6% от общего числа погибших в годы войны. Из 21 млн человек, получивших ранения, британцы составляли 8–10%. За четыре года войны совокупный государственный долг Великобритании вырос почти в 10 раз, составив около четверти всего национального богатства страны [Ferguson 2004: 312]. К 1918 г. трудности, связанные с военной мобилизацией экономики, достигли в Великобритании своей кульминации. Правительство было вынуждено

вести нормирование продажи ряда продуктов питания. Высокая интенсивность труда вызывала рост забастовочного движения [Гранат 1927: 98].

Проблемы военной экономики потребовали серьезного пересмотра прежней социально-экономической стратегии. Существенно возрос элемент государственного регулирования и бюрократизации экономической жизни империи. Кабинеты Г. Асквита и, в особенности, Д. Ллойд-Джорджа пошли на шаги, которые были немыслимы для прежней британской экономической стратегии: была введена система государственного контроля над военными производствами, распределением стратегических материалов, создана система арбитража для разрешения трудовых споров со значительным участием государственных институтов. Административные и политические изменения военного периода способствовали в том числе и постепенной эволюции британской колониальной системы в сторону модели, получившей в историографии наименование «социального империализма» [Porter 2013: 233].

Одной из наиболее сложных проблем, с которыми столкнулась Великобритания по завершении войны, являлась необходимость быстрой перестройки промышленности, в значительной степени переориентированной на производство военной продукции, а также демобилизации огромного количества военнослужащих, общая численность которых, по данным правительственных источников, оценивалась в 3,5 млн человек [Abstract of British Historical Statistics 1962: 465]. В соответствии с разработанной в январе 1919 г. военным ведомством во главе с У. Черчиллем схемой, демобилизация должна была проходить поэтапно и основываться на способности британской экономики абсорбировать и трудоустроить значительное число бывших военных. В рамках первого этапа реализации данного плана в январе 1919 г. британская армия сократилась на 950 тыс. человек [Гилберт 2015: 434]. Сокращение объемов промышленного производства, которое неминуемо последовало после прекращения масштабных военных действий, вызвало уменьшение размера заработной платы, и снижение жизненного уровня значительной части населения [Ashworth 1960: 434].

Экономическое развитие Великобритании и её обширной империи в межвоенные десятилетия характеризовалось противоречивыми тенденциями. Оно не было более сложным и проблемным, чем в других индустриальных странах. Сокращение доли Великобритании в мировом промышленном производстве и торговле, наблюдавшееся в 1920-е – 1930-е гг., было связано с ранним завершением процесса её индустриализации, что обусловило и более низкие темпы роста британской экономики в сравнении с её основными конкурентами. На этом фоне среди британской интеллектуальной элиты наблюдалось заметное беспокойство относительно сохранения прежнего уровня экономического благополучия. Как отмечалось в одной из информационно-аналитических работ, посвящённых послевоенному экономическому состоянию Великобритании, тревожные ощущения объяснялись «не столько потерей большей доли национального богатства в сравнении с другими державами, сколько утратой международной позиции лидирующей индустриальной нации» [Cole 1932: 73].

Необходимость преодоления экономических трудностей послевоенного периода побудила британское руководство к пересмотру ряда традиционных постулатов политики и к началу «внутренней реконструкции, предполагавшей увеличение государственных расходов и государственного регулирования экономики» [Ferguson 2004: 280]. В то же время, следует признать в целом справедливой оценку, данную в коллективной монографии «Власть и стабильность. Британская внешняя политика, 1865–1965», согласно которой в рамках изменившейся формы международных отношений, Великобритания в межвоенные десятилетия стремилась сохранить прежние основные цели своей внешней политики, «сводившиеся к поддержанию

баланса сил, защите британских интересов и престижа, а также обеспечению безопасности рынков, стратегических опорных точек и линий коммуникаций» [Power and Stability. 2003: 76].

С начала 1920-х гг. наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению роли внутриимперских торговых связей для развития британской экономики. В то же время, несмотря на определённый прогресс, связанный с ростом экономических взаимосвязей метрополии с доминионами и наименее развитыми африканскими колониями, объём торговли с ключевым колониальным владением – Индией в целом сокращался [Drummond 1974: 51]. В 1917 г. англо-индийское правительство добилось права введения тарифных барьеров, направленных на стимулирование индийского производства и защиту внутреннего рынка Индии от импорта шерсти и некоторых других видов товаров из метрополии. Наличие системы внутренних преференциальных ограничений делало индийский рынок менее привлекательным для британского промышленного экспорта. Наиболее заметным данный тренд стал после событий мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. [Darwin 2009: 290]

Программы экономической интеграции, продвигавшиеся в начале XX в. Дж. Чемберленом, после 1918 г. встретили достаточно слабую поддержку со стороны имперских элит. Активная индустриализация Канады, Австралии и Индии сделала невозможной прежнюю внутриимперскую систему разделения труда. Тем не менее в 1930-е гг. имперский рынок получил значительный импульс к развитию. С 1913 по 1938 г. доля империи в британском экспорте выросла с 35 до 41,2%, в импорте – с 26,9 до 41,3% [Ashworth 1960: 163]. Наличие обширных колониальных владений обуславливало, до определённого момента, существование надежды на «имперское решение экономических проблем» [Porter 2013: 293]. Для немалой части британской политической элиты оно казалось предпочтительным с идеологической точки зрения, поскольку демонстрировало широкому общественному мнению видимое сохранение прежней «британской мощи» [Darwin 2009: 449].

В 1926 г. в Имперской торговой палате началось изучение вопроса об установлении системы тарифных преференций, призванных способствовать развитию колониальных рынков. Через год при колониальном ведомстве были созданы две новые структуры – Колониальный медицинский исследовательский комитет (Colonial Medical Research Committee) и Совет по развитию сельского хозяйства (Agricultural Advisory Council). В соответствии с принятым вскоре Актом о развитии колоний, предусматривалось определённое финансирование исследований, связанных с развитием системы коммуникаций в колониальных владениях. В частности, в 1929–1932 гг. на эти цели, несмотря на кризис, было выделено около 1 млн ф. ст. [Эмери 1960: 319].

Проблемы, связанные с экономическим развитием колоний в 1920-е гг., стали одним из актуальных пунктов британской политической повестки, причём основными инициаторами их обсуждения на данном этапе становятся представители Лейбористской партии. В частности, в июле 1929 г. лейбористы внесли в палату общин законопроект о финансировании широкомасштабной программы «колониального развития, которая может обеспечить работу для наших людей в этих странах». Данная программа, равно как и ряд других аналогичных проектов развития колониальных территорий, получила активную поддержку со стороны видных представителей Консервативной партии [Науменков 1989: 102].

Особенно активную поддержку им оказал Л. Эмери, занимавший в кабинете С. Болдуина пост министра по делам колоний. В середине 1920-х гг. при его активном участии правительством была разработана комплексная программа укрепления имперской системы, включавшая в себя три основных элемента: «во-первых – усиление

единства белых доминионов; во-вторых – расширение самоуправляемых территорий за счёт некоторых владений в Восточной Африке и, возможно, Палестины; в третьих – принятие ряда мер по социально-экономическому развитию остальных колониальных владений» [Эмери 1960: 218]. В то же время, ещё в 1921 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент пост заместителя министра колоний, был вынужден, равно как и некоторые другие руководители ведомства, признать ограниченность ресурсов, которые могли быть использованы для развития колониальных территорий. «Наши имеющиеся желания сурово ограничены экономическими возможностями, обуславливающими нашу слабость», – отмечал он в одном из документов [Там же: 110]. В том же году, оставляя пост министра по делам колоний, лорд Милнер писал Л. Эмери: «В настоящий момент у нас, к сожалению, мало людей, искренне сочувствующих нашим предприятиям» [Там же: 129]. В последующем Л. Эмери неоднократно жаловался С. Болдуину на слабость своих позиций «в сравнении с партикуляризмом колоний и консерватизмом Казначейства» [Там же: 158].

Наступившая в начале 1930-х гг. экономическая депрессия заставила британское правительство отказаться от значительной части финансирования данных проектов. На этом фоне в политических кругах вновь широко распространилась концепция самодостаточности колоний и борьбы с высокими расходами на их содержание. В силу этого в программах колониального развития была сделана большая ставка на «финансовую автономию» колониальных владений, а также на большее привлечение частных инвестиций к реализации связанных с ними проектов экономического развития. Как отмечал в одном из писем барон Ф. Лугард, представлявший Великобританию в Постоянной комиссии Лиги наций по вопросам мандатных территорий, «...главной нашей целью, конечно же, является развитие данных территорий и обеспечение благополучия их населения. Но я уверен, что мы не сможем развивать их и помогать им без чрезмерного расходования богатств, которые могут быть полезны нашей стране в будущие сложные времена» [Power and Stability 2003: 298].

Усилия министерства по делам колоний в данный период не принесли должного эффекта, а экономическая депрессия рубежа 1920-х – 1930-х гг. явилась дополнительным негативным фактором, сказавшимся, в силу узкой экспортной специализации, на развитии колоний. По словам члена палаты общин от Лейбористской партии Дж. Уидгвуда, в результате экономической депрессии ряд британских колоний «ощутили себя простыми зубцами гигантской торговой машины, которая внезапно потерпела аварию, оставив их с их сырьём и продукцией, без средств к существованию» [Minutes of Labour Party... 2011: 119].

В то же время среди колониальных чиновников, несмотря на сильную инерцию мышления, появлялись сторонники изменения методов экономической политики, предлагавшие собственные проекты по поддержке частной инициативы, в том числе стимулированию формирования частнособственнических отношений в аграрном секторе. С этой целью предлагалось в числе прочего поощрение развития «белого» фермерства в некоторых колониальных владениях. В целом попытки британского правительства стимулировать экономическое развитие колоний в течение 1920-х гг. имели ограниченный успех. В результате Великой депрессии он оказался фактически нивелирован, и период 1930-х гг. ознаменовался для колониальных владений Великобритании преимущественно состоянием стагнации в сфере экономики. Согласно официальной статистике, представленной министерством по делам колоний, в 1936/1937 финансовом году средний размер расходов на реализацию программ социально-экономического развития в колониях составлял всего 5 ш. на душу населения [Darwin 2009: 463].

Существенным фактором, ограничивавшим финансовые ресурсы Уайтхолла в сфере колониальной политики, явилась введённая в 1921 г. специальным правительственным комитетом во главе с А. Гиддесом, программа жёстких мер по сокращению финансовых расходов. Программа, получившая нарицательное наименование «топор Гиддеса» (Geddex Axe), резко сократила возможности британских государственных структур по продвижению программ колониального развития. У. Черчилль, занимавший в 1921–1922 гг. должность министра по делам колоний, был вынужден признать, что «управление провинциями требует ... всё более огромных сумм» [Гилберт 2015: 465]. Одновременно осуществлялось радикальное сокращение военных расходов, что ещё более затрудняло задачу послевоенной консолидации империи. Нараставшие проблемы британское руководство пыталось решить за счёт налаживания более эффективных контактов с местными элитами и также перекладывания значительной части военных расходов на колониальные и зависимые территории, в первую очередь – на Индию [Ferguson 2004: 265].

В декабре 1921 г. на основании рекомендаций комитета Э. Гиддеса была разработана программа резкого сокращения расходов бюджета на содержание армии, авиации и флота. Его прямым следствием явилась военная реформа, осуществлявшаяся в 1919–1926 гг. с целью возвращения численности вооружённых сил Великобритании к предвоенным параметрам. С осени 1919 г. Великобритания оказалась охваченной волной забастовок, происходивших в основном на угольных предприятиях, а также в других отраслях промышленности. На фоне возраставших экономических трудностей правительство было вынуждено приостановить процесс демобилизации в ряде регионов, в том числе в Египте. Для борьбы с возникшими в данный период беспорядками использовались в том числе и силы Адмиралтейства [Гранат 1927: 160].

Уровень британских военных расходов был впервые подвергнут резкому сокращению в 1920 г., когда их размер уменьшился с 604 до 292 млн ф. ст. При ключевом участии комитета А. Гиддеса к 1922 г. военные расходы были сокращены до 111 млн ф. ст. В 1923 г., с приходом к власти консервативного кабинета Э. Бонар Лоу, их объём был несколько увеличен и достиг показателя в 118 млн ф.ст., что составляло 14% от всех бюджетных расходов. В таком размере они сохранялись вплоть до 1930-х гг. [Ashworth 1960: 371]. Одним из принципов, обосновывавших столь радикальное сокращение военного бюджета, стало введённое в августе 1919 г. т.н. «десятилетнее правило», предусматривавшее, что «Великобритания с высокой долей вероятности не будет вовлечена в масштабный конфликт в течение ближайшего десятилетия, и в силу этого ей не придётся использовать многочисленные экспедиционные войска». «Десятилетнее правило» легло в основу т.н. «политики строгой экономии» (OUNE – «owing to the urgent need for economy»), сводившей уровень военных расходов к минимально возможной планке [Drummond 1974: 59].

К 1922 г. численность британских вооружённых сил была сокращена до 200 тыс. человек. В связи с резким сокращением военных расходов метрополии, а также трудностями в согласовании отдельных аспектов совместных оборонных программ с доминионами, созданный в 1923 г. Комитет начальников штабов особое внимание уделял использованию людских и материальных ресурсов колоний. Одну из ключевых ролей в британской военно-политической стратегии межвоенного периода продолжала играть Индия, а также возможные угрозы её безопасности. Индийские войска по-прежнему составляли значительную долю британских сухопутных вооружённых сил и продолжали использоваться в интересах Великобритании на огромном пространстве – от Ирака до Гонконга. Общая численность регулярных войск на территории Британской Индии в начале 1920-х гг. составляла 210 тыс. человек, в том числе 60 тыс. британцев и 150 тыс. индийцев [Clayton 1986: 343]. Приоритет в контроле над её весьма

неспокойными пограничными территориями был отдан ВВС и механизированным подразделениям на основании так называемого «воздушного контроля», разработанного в тот период генералом Х. Тренчардом. Предполагалось широкое использование для подавления беспорядков в колониях военно-воздушных сил, впервые получивших широкое применение в период Первой мировой войны. Но опыт применения ВВС против протестующих в Индии и некоторых других колониях продемонстрировал ограниченную эффективность данной схемы. Это вызывало в британских военных и политических кругах, как отмечали современники, «чувство растущей уязвимости» [Kennedy 2014: 90].

Тем не менее в дальнейшем положения доктрины получили развитие в Уставе ВВС 1928 и меморандумах штаба ВВС 1930 и 1933-го гг. В 1930-х гг. доктрина преподавалась в штабном колледже ВВС. Ведущими её теоретиками были служившие в Ираке айр-коммодор Э. Людлоу-Хьюитт и винг-коммандер Р. Саундби и служивший в Адене групп-капитан Ч. Портал, ставшие впоследствии маршалами британской авиации [Clayton 1986: 411].

В течение межвоенного периода Великобритания, обладавшая обширной колониальной и полуколониальной периферией, продолжала оставаться важнейшим элементом системы международных отношений. Сложные процессы, происходившие в рамках Британской империи, в немалой степени определяли дальнейшие тенденции развития системы международных отношений в целом. Обусловленные большим числом факторов изменения в колониальной стратегии Великобритании межвоенных десятилетий, они закладывали основы для принципиально новых методов реализации интересов ведущих держав на международной арене, что в немалой степени предопределило тенденции развития мировой политики в последующий период. В то же время изменения в восприятии колониальной политики британским обществом и британской политической элитой, а также существенная перестройка механизма её формирования не только предопределили многие принципиально важные тенденции в эволюции британской колониальной системы, но и оказали заметное влияние на внутренние процессы в самой Великобритании в последующие десятилетия.

Список литературы

- Гилберт М.* Черчилль. Биография. М.: КоЛибри, 2015. 1056 с.
- Гранат И.* Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле: К постановке вопроса. М.: Мосполиграф, 1927. 192 с.
- Науменков О.А.* Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании. Саратов: Изд-во Саратовского Ун-та, 1989. 159 с.
- Эмери Л.* Моя политическая жизнь. М.: Изд-во политической литературы, 1960. 686 с.
- Abstract of British Historical Statistics.* Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 513 p.
- Ashworth W.* An Economic History of Britain, 1870-1939. L.: Routledge, 1960. 456 p.
- Clayton A.* The British Empire as a Superpower, 1919-1939. L.: Macmillan, 1986. 545 p.
- Cole G. D. H.* British Trade and Industry: Past and Future. L.: Macmillan, 1932. 466 p.
- Darwin J.* Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 811 p.
- Ferguson N.* Empire: the Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power. N.Y.: Basic Books, 2004. 400 p.

Drummond I.M. Imperial Economic Policy, 1917–1939. L.: George Allen&Unwin, 1974.

Kennedy D. Britain and Empire, 1880–1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.

Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Reader L. «Not Yet Able to Stand by Themselves»: Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925–1941. Irvine, 2011. P. 102–130.

Porter B. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850–2011. L., N.Y.: Longman, 2013. 496 p.

Power and Stability. British Foreign Policy, 1865–1965 / Ed. by Goldstein E. and McKercher B.J.C. L.: Routledge, 2003. 366 p.